

«ВЕНГЕРСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАЦИЯ» И ВЫЗОВЫ НАЦИОНАЛИЗМА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

И. В. Крючков

Северо-Кавказский федеральный университет

Поступила в редакцию 6 декабря 2023 г.

Аннотация: Венгрия к XIX в. сложилась как поликультурное, многонациональное королевство, где действовало несколько религиозных конфессий. Этот фактор не мог не сказаться на процессе строительства наций в регионе, специфике национализма и роли религии в данных процессах. Процесс формирования венгерской (мадьярской) нации оказался тесно связан с ростом популярности в Венгрии идей либерализма в первой половине XIX в. Религиозные конфессии национальных меньшинств, отстаивая этническую исключительность своих народов, боролись как против венгерского национализма, так и против либерализма, предполагавшего секуляризации всех сторон жизни общества. Религия в Центрально-Восточной Европе и на Балканах оказала существенную роль в процессе формирования национального сознания и исторической памяти народов, в том числе населяющих Венгрию.

Ключевые слова: Венгрия, мадьяризация, культурно-религиозная автономия, католическая церковь, хорваты, сербы, Габсбурги, дуализм, национализм.

Abstract: by the 19th century Hungary had developed as a multicultural, multinational kingdom with several religious confessions. This factor could not but affect the process of nation-building in the region, the specificity of nationalism and the role of religion in the development of these processes. The process of formation of the Hungarian (Magyar) nation was closely connected with the growing popularity in Hungary of the ideas of liberalism in the first half of the 19th century. The religious confessions of national minorities, defending the ethnic exclusiveness of their peoples, fought against both Hungarian nationalism and liberalism, which implied secularization of all aspects of society. Religion in Central-Eastern Europe and the Balkans played a significant role in the process of formation of national consciousness and historical memory of the peoples, including those inhabiting Hungary.

Key words: Hungary, Magyarization, cultural and religious autonomy, Catholic Church, Croats, Serbs, Habsburgs, dualism, nationalism.

Венгерское королевство, занимая исключительное географическое положение в Центрально-Восточной Европе, с самого начала формировалось как многонациональное и поликонфессиональное государство. Османское нашествие и захват турками-османами большей части страны самым негативным образом сказались на численности этнических венгров (мадьяр). Если до битвы при Мохаче они составляли около 80 % населения страны, то в XVIII – первой половине XIX в. – около 40 %. По переписи населения 1851 г. этнические венгры составляли 40,7 %, румыны – 19,5 %, словаки – 15,2 %, немцы – 12,3 %, сербы – 4,0 %, украинцы – 3,2 %, евреи, армяне, цыгане и другие народы – 5,2 % [1, р. 144].

В результате войн, миграций и эпидемий население Венгрии сильно сократилось. После освобождения Венгрии от османского господства для исправле-

ния неблагоприятной ситуации Габсбурги прибегли к колонизационной политике для освоения опустевших территорий и их закрепления за империей. С XVII в. славяне и главным образом сербы переселялись на южные окраины империи Габсбургов. Так, в 1690 г. около 40 тыс. сербов во главе с патриархом Арсением III Черноновичем, спасаясь от гнета Османской империи, поселились в пределах Австрийской империи [2, с. 23]. Император Леопольд I 21 августа 1690 г. предоставил сербам империи религиозную автономию в рамках Карловицкой автономии, в том числе сербы получили право избирать собственного митрополита (формально Карловицкая митрополия подчинялась Печскому патриархату).

В XVIII в. после заключения Карловицкого мира в Южную и Центральную Венгрию устремился новый поток колонистов, поощряемых государством различными льготами для переселения в освобожденные от турок районы. На территории Южной Венгрии создавалась уникальная этническая карта, на относи-

тельно небольшой территории проживали венгры, немцы, болгары, чехи, словаки, хорваты, румыны, украинцы [3, р. 104–105]. В других районах Венгрии складывалась примерно такая же ситуация. Еще в Средние века в Трансильвании поселилась многочисленная немецкая колония, так называемые саксы. Они соседствовали с венграми, румынами и другими народами.

В Средние века «Венгерская нация», демонстрируя общий настрой эпохи, включала правящую элиту страны (дворянство) вне зависимости от ее этнического происхождения. Дворянство имело широкие политические и экономические привилегии [4, с. 8]. Первоначально одним из ее маркеров являлась принадлежность к католической церкви, но с XVIII в. он начал постепенно исчезать. Задача нации заключалась в сохранении политических прерогатив территории.

В многонациональном и поликультурном государстве всегда стоит вопрос о нахождении некой уникальной формулы, способной объединить сложный конгломерат различных народов и религий. С этой проблемой постоянно сталкивалась правящая элита империи Габсбургов. После реформ императора Иосифа II начался процесс религиозной эмансипации в империи. Данный процесс окончательно завершился в эпоху дуализма [5, с. 121]. Большую роль в начале нацистроительства венгров сыграла политика «просвещенного абсолютизма» [6, р. 331]. Политика германизации и централизации императора Иосифа II подтолкнула процесс строительства наций в Австрийской империи и отстаивания различными регионами, прежде всего Венгрией, своих «исторических прав».

Великая французская революция и бурные события в Европе не могли обойти стороной Австрийскую империю, тем более часть ее территории подверглась оккупации со стороны французской армии. В Венгрию и другие регионы империи проникают идеи национализма. Нация как единое целое в политическом и культурном отношениях начала считаться высшей ценностью [7, р. 11].

Венгерское дворянство стало в авангарде национального возрождения на рубеже XVIII–XIX вв., поскольку в королевстве отсутствовали многочисленная буржуазия и средний класс. Понятие нации не имело глубокой интеллектуальной проработки у венгерской элиты, как это наблюдалось в Германии или Франции, стремление к созданию собственной нации первоначально проявлялось в интересе к национальной истории и культуре. В это время росла популярность национального костюма, народной музыки и кухни [8, р. 3]. «Фольклорно-исторический» национализм получил распространение во всех регионах Венгрии. У этнических мадьяр культивировалось чувство превосходства над осталь-

ными народами королевства. Национальные меньшинства воспринимались как народы, лишенные собственной истории и не имевшие никакой исторической миссии, их «конец истории» заключался в полной мадьяризации [9, с. 544]. Этот процесс не предполагал унификацию религий народов Венгрии. Со временем данные настроения передались интеллигенции и среднему классу. Интерес к национальному возрождению у венгров совпал с развитием либеральных настроений среди элиты. Английская и венгерская конституции XIII в. считаются старейшими в Европе. Венгерское дворянство выступило в качестве ведущей социальной базы либерализма [10, с. 362]. В общественно-политическом дискурсе венгерский либерализм противопоставляется консервативному феодализму национальных меньшинств. В восприятии многих представителей правящих кругов Венгрии Азия начиналась за восточными окраинами Пешта.

В начале XIX в. венгерская правящая элита предприняла первые практические шаги по закреплению своего доминирования в Венгрии и стимулированию процесса формирования венгерской нации. Уже в первой половине XIX в. в этом плане в интеллектуальном и политическом пространстве королевства столкнулось несколько подходов. Первое течение предполагало формирование в Венгрии единой нации, основным ее критерием выступала принадлежность к венгерскому языку и культуре [11, с. 214]. То есть представители других народов, переняв венгерский язык и культуру, не будучи этническими венграми (мадьярами), становились представителями венгерской нации, при этом неважно, какую религию они исповедовали. Школа, экономика, государственные институты должны были способствовать этому процессу. Поэтому представители этого направления активно поддерживали процесс мадьяризации высших и средних слоев этнических меньшинств. Данный процесс порождает уникальную формулу венгерского либерализма. Он признавал полное равенство жителей страны, предоставляя им равные политические и гражданские права [12]. В то же время он отказывался от создания этнорелигиозных автономий, видя в этом проявление средневекового партикуляризма и клерикализма, идущих в разрез идеям просвещения и модернизации.

Второе течение, особенно после трагических событий 1848–1849 гг., в большей степени ориентировалось не на полную ассимиляцию национальных меньшинств, а на формирование «венгерской политической нации». Оно не предполагало этническую и культурную унификацию народов. Ставка делалась на укоренение у жителей Венгрии общих ценностей, таких как венгерский государственный патриотизм, либерализм, а популяризация венгерского языка и

культуры не предполагала искоренение языков и культур других народов. Представители данного направления допускали при необходимости возможность предоставления народам страны культурно-религиозной или административной автономии, хотя они также не считали такой вариант желательным.

Третье течение, скорее маргинальное вплоть до начала Первой мировой войны, предполагало создание равноправной ассоциации (федерацию) народов, населяющих Венгрию, которые имели бы равные права, включая предоставление национальным меньшинствам широкой автономии в рамках страны. По их мнению, народы сами со временем осознают необходимость признания венгерского языка в качестве официального для удобства коммуникации между собой [9, с. 429–430].

Важнейшим атрибутом нации в Центрально-Восточной Европе являлось наличие собственного языка [11, с. 209]. На протяжении многих веков связующим звеном в поликультурной Венгрии выступал латинский язык. Однако Государственное собрание страны, ведомое венгерской национальной идеей, добилось введения в 1805 г. в качестве государственного языка – венгерского. Законы 1832 и 1844 гг. латинский язык полностью вытеснили из употребления в административных и судебных учреждениях [13, с. 84]. Примечательно, что первыми латинский язык из системы образования исключили протестантские колледжи Венгрии [14, р. 126].

Серьезным испытанием на практике идеологических построений венгерских интеллектуалов и политиков стали революционные события 1848–1849 гг., где столкнулись венгерский либерализм и национализм с жестким противодействием со стороны этнических меньшинств. Специфика развития Центрально-Восточной Европы и Балкан предопределила характер социальной базы политических сил, вытопивших против венгерских революционеров, принявших конституцию 1848 г., которая признавала равные политические права за всеми жителями страны, но исключала любые формы автономии [15, р. 162].

Во-первых, этническая оппозиция группировалась вокруг сербской и румынской православной церкви, униатских церквей в Трансильвании и Подкарпатской Руси, не признававших либеральные ценности и делавших ставку на традиционализм, в чем они видели фактор собственного экономического и политического благополучия. В хорватских и словацких землях на этих позициях стояла большая часть католического духовенства, сохранявшего лояльность династии Габсбургов. Во-вторых, политику противостояния венгерскому либерализму в 1848–1849 гг. поддерживало хорватское дворянство во главе с баном Й. Елачичем [16, с. 174]. Данная группа не отличалась гомогенностью в своих по-

литических идеалах, часть из них требовала возврата к традиционным ценностям, другая часть признавала важность модернизации. Неслучайно Й. Елачич отменил в Хорватии-Славонии крепостное право [17, с. 116]. Следует подчеркнуть, что кроме хорватов дворянство остальных национальных меньшинств Венгрии полностью мадьяризировалось. Антиреволюционные силы настаивали на предоставлении их нациям (народам, территориям) широкой автономии. Правда, они зачастую не представляли до конца, что есть их нация или историческое государственное образование, как это было в Воеводине. Иная ситуация сложилась у хорватов, имевших в Средние века собственное королевство и защищавших исторические права Хорватии, хотя и здесь возникали проблемы с определением его будущих границ [18, р. 10].

Подавляющая часть крестьянства была далека от проблем национального строительства и выбора политического вектора развития Венгрии, являясь носителем религиозной, региональной, социальной идентичности с элементами династической преданности Кайзеру. В то же время 1848–1849 гг. крестьяне охотно поддавались антиреволюционной пропаганде, но скорее всего из-за своих представлений о справедливости, так как значительная часть крупных и средних землевладельцев являлась венграми, поэтому их сопротивление революционному Будапешту приобретало в значительной степени социальный характер [16, с. 176]. Более того, они поддерживали важность защиты веры от посягательств «супостатов» и «безбожников», стремившихся осквернить веру отцов.

Дуалистическое соглашение 1867 г. окончательно оформило Венгрию как многонациональное государство, вернув ее к историческим границам. В состав королевства, кроме регионов, где доминировало венгерское население, вошли словацкие земли, Трансильвания, ряд румынских районов, Подкарпатская Русь, так называемая Воеводина и хорватские территории [19, с. 66]. В итоге Венгрия получила уникальную этническую мозаику и чересполосицу в расселении различных этнических групп, которые к тому же принадлежали к различным религиозным конфессиям. Католицизм исповедовала часть венгров, немцев, словаков и хорваты. К православной церкви относились сербы и румыны. В Подкарпатской Руси действовала греко-католическая церковь, она же занимала весомые позиции среди румын Трансильвании. Протестантами являлась часть венгров, немцев и словаков.

С 1867 г. королевство Св. Стефана фактически получило полную внутреннюю автономию. В стране восстанавливалась с некоторыми изменениями конституция 1848 г. Но данный юридический акт не мог

решить все застарелые и новые политические и правовые конфликты. Политика секуляризации общественно-политической жизни Венгрии, проводимая венгерским правительством, не могла не вызвать резкую реакцию большинства церковей страны. В 1868 г. парламент принял закон о государственных школах, разрушающий монополии церкви на образование [13, с. 256]. В 1890 г. был проведен через парламент закон, разрешающий смешанные браки между представителями различных конфессий, в 1894 г. – закон о гражданском браке, не меньше споров вызвал закон о разводах.

В 1868 г. при активном участии лидеров венгерского национального движения и архитекторов системы дуализма Л. Этвеша и Ф. Деака в стране приняли закон о «равенстве национальностей». Он провозглашал развитие «венгерской политической нации». Закон признавал наличие в стране «национальностей», но как части единой нации и отвергал предоставление им коллективных прав и особых политических атрибутов, в то же время разрешая им использовать родные языки в делопроизводстве в тех районах, где они составляли более 20 % населения. Религиозные общины получали возможность использовать в богослужении и системе образования любой язык [20, л. 70]. Однако закон 1868 г. постоянно нарушался и не смог остановить процесс мадьяризации.

В условиях либерализации венгерского общества и его модернизации национальные церкви оказались в сложной ситуации, с точки зрения приспособления к новой исторической реальности. Церковь стремилась сохранить свои весомые позиции в жизни общества, контролируя сферу образования и в значительной степени культуру в целом. Она не собиралась делиться своей собственностью и доходами со светскими политиками. Религия играла важнейшую роль в формировании наций на Балканах и в Центрально-Восточной Европе. Этноконфессиональные привилегии отождествлялись с государственно-правовыми и политическими прерогативами, а этноконфессиональная общность приравнивалась к субъекту государственного права. Этнорелигиозные автономии консервировали общества и создавали мощные препоны на пути развития народов, поощряя национальную замкнутость. Они гарантировали коллективные права народов на консервативной основе, что явно входило в противоречие с модернизационными процессами [21, р. 78–92]. Религии подчеркивали свою исключительность, «настоящую правильность», что вело к расцвету национализма и ксенофобии в регионе.

Католическая церковь занимала в империи лидирующие позиции. Императоры всячески демонстрировали свою приверженность католицизму. Католической церкви национальных меньшинств также

пришлось адаптироваться к новым условиям. Традиционно, проявляя католический космополитизм и лояльность монархии, она не могла не реагировать на вызовы времени и не приобретать «национальную окраску». Так, католическая церковь Венгрии поддержала мадьяризацию, поэтому папе Льву XIII специально пришлось высказаться против ущемления прав словаков и русин [22, с. 507–508].

Значительную часть правящего класса Венгрии составляли протестанты, в основном кальвинисты из Восточной Венгрии и Трансильвании, наиболее решительно поддерживавшие политику мадьяризации. Данное обстоятельство объясняется тесной связью протестантизма с национальной идеей и неоднозначным опытом их соседства с многонациональным населением Трансильвании. Национализм кальвинистов и лютеран формировался и в условиях борьбы за свои права в период неабсолютизма [14, р. 123]. Стоит отметить, что популярность кальвинизма среди венгров связана с их восприятием лютеранства как «немецкой веры». Большинство венгров исповедовало католицизм после контрреформации XVI в. По мнению идеологов венгерского национального движения, данная часть населения «запаздывала» в восприятии «доктрины мадьярской нации».

Католическая церковь в Хорватии считала себя носителем национальной идеи наряду с хорватским дворянством. В 1852 г. был создан отдельный Загребский епископат, который оформил автономию католической церкви Хорватии. Данный факт служил дальнейшей консолидации хорватов и росту их национального самосознания, где католицизм играл важную роль.

В то же время в 30–40-е гг. XIX в. в представлениях хорватских националистов ведущим атрибутом нации являлся хорватский язык, а католицизм отходил на второй план [23, с. 66]. Однако к началу XX в. язык, католицизм и историческая память в национальной идентичности хорватов соседствовали, занимая практически равновеликие позиции. Католическая церковь в Хорватии стремилась активно поддерживать хорватскую национальную идею и теорию «хорватского права», т. е. восстановление Хорватского королевства в его «исторических границах».

Один из лидеров хорватского национального движения архиепископ Й. Ю. Штросмайер придерживался идеи югославянского братства, выступая за сближение позиций сербов, хорватов и словенцев [17, с. 156]. Правда, многие деятели православной церкви ему не доверяли, подозревая во всех грехах, поскольку он предполагал объединение церковей на основе взаимных уступок, но с признанием верховной власти Римского папы. Другое направление, сформировавшееся при поддержке католической церкви Хорватии, придерживалось радикальных позиций. Оно высту-

пало за объединение всех хорватских земель (Хорватия, Словения, Далмация, Босния-Герцеговина) в единое королевство под эгидой Габсбургов. Идеологию данного направления прежде всего отражала Хорватская партия права во главе с А. Старчевичем, который не отличался особой религиозностью, признававшая исключительную роль католической церкви в жизни хорватов. Один из ее лидеров Э. Кватерник декларировал совпадение католицизма и хорватской национальной идеи. «Праваши» с большим опасением относились к сербам, православию и независимой Сербии.

В 1868 г. хорваты получили частичное удовлетворение своих чаяний, когда Будапешт создал автономное Хорватское (Триединое) королевство [24, с. 13]. Венгрия признала хорватов в качестве отдельной «политической нации». В новой автономии проживало сербское православное меньшинство. В 1887 г. собор (парламент) Триединого королевства расширил права сербов и сербской православной церкви, в том числе в сфере использования кириллицы. По мере успехов независимой Сербии и роста сербского национального движения в Хорватии и Боснии-Герцеговине католическая церковь все чаще поддерживала антисербские, антиправославные и антисемитские взгляды [25, с. 98]. В конце XIX – начале XX в. возник конфликт между светскими политиками и церковью за право выражения интересов хорватского народа, но стороны предпочитали не переходить «красную черту» и находить компромиссы по большинству спорных вопросов. В то же время процесс секуляризации общественно-политической жизни хорватов невозможно было остановить.

Католическая церковь в словацких землях долгое время занимала пассивную роль в деле национального возрождения словаков. Поэтому чехи-протестанты и словаки-протестанты в этом отношении долгое время занимали лидирующие позиции, прежде всего пропагандируя идею чехословацкой нации [26, с. 260]. Постепенно католическая церковь осознала свою ошибку и, используя большую популярность среди крестьян, начала проповедовать собственный национальный проект, отличавшийся крайней религиозностью, антимодернизмом и антилиберализмом. Следует отметить, что католическая церковь придерживалась антисемитских позиций, что не могло не найти отражение в словацком национальном движении [27]. Протестанты и католики столкнулись в вопросе создания словацкого литературного языка. Протестанты хотели взять за основу язык гуситской библии, а католики выдвинули понятный большинству словаков диалект Центральной Словакии и одержали важную победу.

Одним из ведущих течений в словацком национальном движении стали «людовцы», возглавляемые

священником А. Глинкой. Они стремились в рамках закона добиться уступок от Будапешта в политических и культурных сферах. Особенно популярность этого движения возросла в 1903–1907 гг., в том числе после трагических событий в Чернове [28, с. 203–204]. В 1911 г. на встрече с архиепископом Парви А. Глинка называл сторонников чехословацкой идеи «безбожниками» и «анархистами» [29, р. 83]. Для борьбы с либералами и сторонниками чехословацкой идеи А. Глинка создал Словацкую народную партию, ставшую крупнейшей политической организацией словаков накануне Первой мировой войны. Таким образом, несмотря на модернизационные процессы в словацких землях католическая церковь сохранила весомые позиции в жизни общества, в том числе претендуя на роль главного защитника интересов словаков в Венгрии. Магьяризация словацкой элиты и крестьянский характер региона способствовали данному процессу.

Своеобразная ситуация складывалась в Подкарпатской Руси, считавшейся самым бедным регионом Венгрии. Русинское большинство принадлежало к униатской церкви, которая в конце XVIII – начале XIX в. добилась существенных уступок от правительства, в результате чего в Мункаче (Мукачево) учредили униатскую епархию, церковь получила значительные земельные владения и власть над местным сообществом. Церковь играла огромную роль в жизни местного русинского населения, в подавляющей основе крестьян. Авторитет униатской церкви мешал распространению в регионе как «москофильского» (русофильского), так и украинофильского направлений, получивших поддержку только в рядах немногочисленной интеллигенции и некоторых представителей униатского клира [30, с. 371–375]. Глава греко-униатской церкви Галиции митрополит А. Щептицкий пытался поддержать украинофильское направление, но его усилия не имели особого успеха. Против данных течений активно выступало правительство Венгрии, но оно так и не решилось на внедрение собственного русинского проекта [31, с. 76]. Процесс национального строительства русин застопорился, религиозная идентичность практически полностью определяла мировосприятие русин вплоть до начала Первой мировой войны.

В начале XX в. большой резонанс в Австро-Венгрии и за ее пределами вызвали факты перехода русин-униатов в православие (около 500 чел.) [32, л. 3]. В данных действиях крестьян скорее проявлялась не политическая подоплека, а форма социального протеста против тяжелого экономического положения. Поведение части униатского духовенства, за исключением монахов, подвергалось жесткой критике со стороны крестьянского мира, обвинявшего его в несоблюдении церковного благочестия. Крестьян раз-

дражала высокая оплата церковных обрядов и дополнительные сборы в пользу духовенства [там же, л. 98].

В сложной ситуации в эпоху дуализма оказалась Сербская Карловицкая православная епархия. По закону 1868 г. она потеряла остатки политической и административной автономии. Еще в 1770 г. церковь лишилась права вмешательства в гражданские дела. В то же время ей гарантировалась культурно-религиозная автономия. Органами управления автономии стали патриарший совет и национально-религиозный собор. Карловицкая митрополия имела большую собственность в размере 100 млн крон, по этому показателю она находилась на втором месте после католической церкви Венгрии. Практически вся система образования и культурная жизнь сербов находились под контролем церкви [33, л. 7]. Сербская православная церковь в восприятии сербов являлась важнейшим институтом, позволившим им сохранить национальную культуру и самосознание в условиях потери собственной государственности. Однако новые веяния не могли не затронуть православную церковь сербов.

С 1869 г. она впервые на национальном соборе столкнулась с оппозицией светских лидеров, которые постепенно укрепляли в этом органе позиции, опираясь на поддержку части избирателей [34, с. 12]. Поэтому церковь оказалась между двух огней. С одной стороны, венгерским правительством, стремившимся разрушить монополии православной церкви на образование и продвинутой среди сербов венгерский язык. С другой стороны, разношерстной группой светских общественно-политических деятелей, как либеральной (Сербская народная свободная партия), так и националистической (Радикальная партия) окраски. Они были недовольны отсутствием доступа к церковным средствам, которые стремились использовать в своих целях, в том числе для установления контроля над образовательными и культурными учреждениями сербов, и для продвижения среди них либеральных и националистических воззрений. Церковь опиралась на поддержку крестьян, а националисты и либералы – нарождающегося среднего класса и интеллигенции. Сербская православная церковь проповедовала верность традициям, используя антилиберальную и националистическую риторику [там же, с. 23]. У сербов конфессиональная основа в национальной идентификации выражалась в большей степени, чем у хорватов. В то же время и сербское общество все активнее начало уделять внимание лингвистическим и культурным особенностям своего сообщества, славной истории Сербского государства.

Венгерское правительство в этой ситуации взяло курс на поддержку православного духовенства, при-

знавая его лояльность по отношению к монархии и государственной доктрине Венгрии. Одновременно в Будапеште проявляли готовность поддержать секуляризацию общественно-политической жизни сербов, как и других народов страны, но в духе полной лояльности политике венгерского правительства. Правящая элита страны боялась, что, установив контроль над собственностью церкви, либералы и националисты значительные средства направят на развитие национальной пропаганды, в том числе сепаратистских воззрений в сербском обществе [33, л. 9].

С последней трети XIX в. многие хорватские и сербские лидеры начали отрицать религиозную идентичность в качестве основного критерия формирования нации. Поэтому А. Старчевич сербов называл хорватами, исповедующими православие, а сербские радикалы хорватов относили к сербам [25, с. 97]. Это служило основой для острых конфликтов. Когда в 1902 г. сербская газета «Србобран», издававшаяся в Загребе, опубликовала статью, где говорилось, что хорваты – это часть сербского народа, в Хорватии вспыхнули сербские погромы, с трудом подавленные властями [35, с. 790].

Румынская православная церковь пережила сложный исторический период. В XVII в. она столкнулась с попытками насаждения среди румын католицизма и создания униатской церкви. В 1783 г. православные румыны получили собственного епископата в Германштадте (Сибиу), но в составе Карловицкой сербской митрополии. В 1864 г. была создана независимая Германштадская митрополия, объединившая всех православных румын Австрийской империи. В 1868 г. она получила культурно-религиозную автономию, как и сербская церковь. Формально митрополия подчинялась Константинопольскому патриарху.

Румынская православная церковь также обладала значительной собственностью, являвшейся предметом «зависти» со стороны светских политиков и националистов. Она постоянно собирала значительные пожертвования со стороны прихожан. На эти деньги в частности был построен новый кафедральный собор в Германштадте в 1902–1906 гг. Православная церковь играла важную роль в развитии образования и культуры румынского населения Трансильвании и Баната. Во второй половине XIX – начале XX в. ей принадлежало 3 богословских института, 4 гимназии, несколько женских, педагогических, профессиональных училищ и 2700 начальных школ [36, р. 199]. Фактически все образование румын Трансильвании и Баната оказалось в руках православного духовенства (за исключением униатских районов).

В XIX в. примерно треть румын Трансильвании принадлежала к униатской церкви. В 1855 г. она стала независимой от Эстергомской митрополии. Униатская церковь проявляла большую активность в за-

щите национальных интересов румын в Венгрии, опережая в этом отношении православную церковь [37, р. 188–189]. Униатские и православные священники подписали Меморандум 1892 г., призывавший к удовлетворению национальных чаяний румын Австро-Венгрии. Этот поступок вызвал резкую реакцию со стороны венгерских властей.

Однако постепенно церковь утратила монопольное право на защиту интересов румынского населения Венгрии. В конце XIX в. шел процесс секуляризации культуры, образования и общественно-политической жизни румын империи Габсбургов. Румынская интеллигенция и средний класс, первоначально получившие образование в религиозных школах, требовали предания светского характера системе образования и культуры. Данные тенденции последовательно поддерживались Румынией [38, с. 190].

В сложной ситуации в Венгрии оказался иудаизм. Многие представители молодежи видели в нем сосредоточение традиционализма и консерватизма. Ее представители выход из сложившейся ситуации находили в принятии христианства (католицизм или протестантизм). Данный факт, как казалось, способствовал адаптации евреев в современное общество и открывал для них социальные лифты. Однако этого не произошло в полной мере, ответом на данное явление стало увлечение части еврейской молодежи идеями социализма и сионизма [22, с. 514].

Следовательно, на рубеже XVIII–XIX в. в Венгрию проникли идеи модернистского национализма, подтачивавшего традиционный космополитизм, поддерживаемый империей и католической церковью. Этнические венгры первыми вступили на путь националистического строительства на основе приверженности своему языку, культуре и исторической памяти. Данный процесс привел в годы революции 1848–1849 гг. к острому конфликту венгерских либералов с национальными меньшинствами, консолидировавшихся вокруг своих религиозных конфессий, настаивавших на предоставлении им широкой автономии (государственности) и отрицавших необходимость секуляризации общества.

Религиозный универсализм в Центрально-Восточной Европе и на Балканах предполагал слияние государственного и национального факторов, отождествление этноса и религии. Этноцерковные привилегии рассматривались как государственно-правовые и политические права. Этноконфессиональная общность в регионе воспринималась как субъект государственного права. Религия в Центрально-Восточной Европе и на Балканах выступала в качестве этнодифференцирующего начала. Одновременно религия проявлялась в форме этнозащиты. Она же оказывала большое влияние на историческую память народов региона.

В период дуализма Будапешт, конструируя «венгерскую политическую нацию», не смог решить противоречие: либо опереться в решении данной задачи в своем большинстве на лояльное духовенство, но настроенное консервативно и выступающее против либерализации общества, либо на средний класс и крестьянство. Однако в первом случае средний класс, с одной стороны, легче подвергался мадьяризации (словаки, русины), а с другой стороны, мог стать рассадником национализма и сепаратизма (хорваты, сербы, румыны). Во втором случае аполитичное крестьянство трудно поддавалось мадьяризации и одновременно могло легко поддаться на призывы националистов и сепаратистов. Первая мировая война обострила противоречия в Венгерском королевстве и обнажила слабость доктрины «венгерской политической нации». Все это завершилось венгерской катастрофой в Трианоне.

ЛИТЕРАТУРА

1. The Hungarians : A Divided nation / ed. S. Borsody. – New Hawen : Brevis Press, 1988. – 399 p.
2. Чериковер С. Сербия. Босния и Герцеговина / С. Чериковер. – М. : Типография И. Д. Сытина, 1910. – 118 с.
3. National-Atlas-of-Hungary-Society Vol. 3 / ed. Károly Kocsis. – Budapest : Research Centre for Astronomy and Earth Sciences, Geographical Institute, 2021. – 191 p.
4. Хаванова О. В. Нация, отечество, патриотизм в венгерской политической культуре : движение 1790 года / О. В. Хаванова. – М. : ИС РАН, 2000. – 191 с.
5. Величко О. И. Проблема веротерпимости в общественно-политической жизни Австро-Венгрии / О. И. Величко // Австро-Венгрия : интеграционные процессы и национальная специфика. – М. : ИСБ РАН, 1997. – С. 118–124.
6. Tóth I. G. A Concise History of Hungary / I. G. Tóth. – Budapest : Corvina/Osiris, 2005. – 695 p.
7. Szekfű G. Iratok A magyar államnyelv kérdésének történetéhez 1790–1848 / G. Szekfű. – Budapest : Magyar Történelmi ársulat, 1926. – 664 p.
8. Barker F. The Development of Hungarian Political Language and the Birth of the Ancient Constitution 1790/91 / F. Barker. – London : University College London School of Slavonic and East European Studies, 2019. – 276 p.
9. Яси О. Распад Габсбургской монархии / О. Яси. – М. : Три квадрата, 2013. – 607 с.
10. Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы / Л. Контлер. – М. : Весь мир, 2002. – 656 с.
11. Станич Н. Хорватская нация и национализм на рубеже XIX–XX вв. / Н. Станич // Российско-австрийский альманах : исторические и культурные параллели. Австро-Венгрия. Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.). – СПб. : Алетейя, 2013. – С. 209–232.

12. *Kürti L.* Liberty, Equality, and Nationality : National Liberalism, Modernization, and Empire in Hungary in the Nineteenth Century / *L. Kürti* // *Liberal Imperialism in Europe* – ed. *M. P. Fitzpatrick*. – Macmillan US, 2012. – P. 91–114.
13. История Венгрии / отв. ред. *Т. М. Исламов*, *А. И. Пушкаш*, *В. П. Шушарин*. – М. : Наука, 1972. – 598 с.
14. *Ugrai J.* Going Their Own Way. Protestants' Specific Models of Joining the Cultural Elite in 19th-century Hungary / *J. Ugrai* // *Espacio. Tiempo y Educación*. – 2020. – V. 7, № 2. – July–December. – P. 119–133.
15. *Katus L.* Nationality Question and Policy Towards National Minorities in 1848–1849 / *L. Katus* // *Minorities Research – A collection of studies by Hungarian authors*. – 2003. – № 5. – P. 152–166.
16. *Исламов Т. М.* Революция 1848 г. в Австрийской империи : национальные и межнациональные аспекты / *Т. М. Исламов* // *Европейские революции 1848 года. Принцип «национальности» в политике и идеологии*. – М. : Индрик, 2001. – С. 135–190.
17. *Фрейдзон В. И.* История Хорватии. С древнейших времен и до 1991 г. / *В. И. Фрейдзон*. – СПб. : Алетейя, 2001. – 318 с.
18. *Karbić D.* The laws and customs of medieval Croatia and Slavonia : a guide to the extant sources / *D. Karbić*, *M. Karbić*. – London : University College London, 2013. – 85 p.
19. Венгерский закон XII 1867 г. Об общих делах земель Венгерской короны и остальных земель, стоящих под управлением его величества, и о порядке их разрешения // *Сборник действующих конституционных актов. Т. II. Федерации и республики* / под ред. *В. И. Гессена* и *Б. Э. Нольде*. – СПб. : Право, 1907. – С. 66–85.
20. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). – Ф. 151 Политархив. – Оп. 482. – Ед. хр. 581.
21. *Krestic V.* History of the Serbs of Croatia and Slavonia, 1848–1914 / *V. Krestic*. – Belgrade : Beogradski izdavasko – gratiski zavod, 1997. – 667 p.
22. *Джонстон У. М.* Австрийский ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии 1848–1939 / *У. М. Джонстон*. – М. : Московская школа политических исследований, 2004. – 640 с.
23. *Романенко С. А.* Католицизм и православие в формировании хорватской и сербской нации на территории Хорватии, Славонии, Далмации / *С. А. Романенко* // *Роль религий в формировании югославянских наций* / отв. ред. *И. В. Чуркина*. – М. : Эудиториал, 1999. – С. 54–112.
24. Венгерско-хорватское соглашение 1868 г. Краткий исторический очерк и перевод с примечаниями. – СПб. : Государственная типография, 1910. – 38 с.
25. *Фрейдзон В. И.* Габсбурги и Хорватия во второй половине XIX в. : Анте Страчевич и идея национально-го суверенитета / *В. И. Фрейдзон* // *Славянский альманах*. – 2005. – М. : Индрик, 2006. – С. 88–99.
26. *Петерсон А.* Венгрия и ее жители / *А. Петерсон*. – СПб. : Общественная польза, 1876. – 460 с.
27. *Katolické noviny*. – 5 júna. – 1896. – S. 92.
28. *Ненашева З. С.* Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX века. Чехи, словаки и неославизм 1898–1914 гг. / *З. С. Ненашева*. – М. : Наука, 1984. – 240 с.
29. *Seton-Watson H.* The Making of a New Europe / *H. Seton-Watson*, *C. Seton-Watson*. – Seattle : University of Washington press, 1981. – 458 p.
30. *Василевский Л.* Венгерские «руснаки» и их судьба / *Л. Василевский* // *Русское богатство*. – 1914. – № 3. – С. 371–375.
31. *Перени И.* Из истории закарпатских украинцев (1849–1914) / *И. Перени*. – Будапешт : Академия Кладо, 1957. – 160 с.
32. АВПРИ. – Ф. 151 Политархив. – Оп. 482. – Д. 585.
33. АВПРИ. – Ф. 151 Политархив. – Оп. 482. – Д. 1508.
34. *Перени И.* Партии и политическая борьба среди сербов в Венгрии (1867–1900) / *И. Перени*. – Будапешт, 1960. – 127 с.
35. Хорватские дела // *Вестник Европы*. – 1902. – № 10.
36. *Păcurariu M.* Romanian Christianity / *M. Păcurariu* // *The Blackwell Companion to Eastern Christianity* / ed. *P. Ken*. – Blackwell Publishing, 2007. – P. 186–207.
37. *Treptow K. W.* Historical Dictionary of Romania / *K. W. Treptow*, *M. Popa*. – The Scarecrow Press, 1996. – 392 p.
38. *Фридман М. В.* Культурные объединения румын в пределах австро-венгерской монархии как важный фактор духовного развития Румынии/Австро-Венгрии / *М. В. Фридман* // *Австро-Венгрия : интеграционные процессы и национальная специфика*. – М. : Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997. – С. 186–195.

Северо-Кавказский федеральный университет
Крючков И. В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений
E-mail: igory5@yandex.ru

North Caucasus Federal University
Kryuchkov I. V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of Foreign History, Political Sciences and International Relationships
E-mail: igory5@yandex.ru